

Баалу

**Пять миллиардов
«люблю!»**

**Том 1
Псалмы небесам**

Глава 1.21. Бой Тигра с Драконом

Музей Пия-Климента, Ватикан. [Лаокóон](#) и его сыновья, 50 до н. э., мрамор. Моя работа четырьмя парами рук: Агесандр Родосский, Полидор, Афинодор, Фидий трудились со мной, чтобы донести до публики формальный сюжет: неумолимый удав душит восставшего против Миневры¹ Лаокоона и его сыновей. Идея «Лаокоона» возникла у Фидия как реакция на происходившее в Афинах и Ориане от начала 6 века до н.э. и до его времени. Неназываемый подтекст – раскаяние богов-созидателей за превышение меры компромиссов и отступлений перед разрушителями и растлителями. И дети страдают за нерешительность отцов, и уже похоже, что погибнут, и смотрят на отца, которому нечего им ответить, и поздно отвечать им, пожираемым змеем отнюдь не небесным за то, что отступились от небесного покровителя Знания. Борьба превышает силы, и всё же одному не справиться с тремя. Ориана продолжает борьбу

Странны споры историков о том, был ли в Японии фашизм. Говорят, фашистские организации были – значит, был; были разгромлены в 1936 – значит, дальше его не было. Единой направляющей руки, фюрера не было, значит, это что угодно другое – и принимаются

¹ Миневра, в иных источниках Минерва, разработала науку, как причинять максимальную боль разнообразными способами. Множество мужчин, лучших героев, было искалечено и зверски убито ею, дабы не развивали и не боролись за справедливость. Едва умевшая читать, она введена в мифологию богиней знания, дабы подлинные боги Знания могли быть преданы забвению.

жонглировать -измами в своей традиции. А Фрейя, богиня-Солнце Амаэрасу, которой открыто посвящена вся японская нация и в императорской семье все дети посвящены ей и являются не родителей, а её потомками? Это не абсолютный лидер? Не диктатура? Хотя, лидер и диктатура – связанные ли это вещи? Считайте богиню вымышленной, тогда нацию ведёт идея о ней. Гитлера в дотелевизионный век тоже далеко не все видели, но людей вела его идея.

Фашизм, единство нации в патриотической идее – великолепная вещь, это сравнение с фашиной придумал я и оно вывело из национальных катастроф многие народы, просто в прежние века были иные ярлыки. 20-й век занялся ярлыками, -измами, и намеренными подлогами. У всех здоровых народов есть национализм как чувство исторической и культурной общности. Шовинизм – выпячивание своей нации и игнорирование достоинств и успехов других – это не то же, что здоровый национализм. То, что было в Японии, есть нацизм – религия исключительности нации, которая всем (или кому-то) покажет кузькину мать.

Можно возмущаться режимом и его деяниями, как возмущались советские люди в перестройку годами сталинских репрессий, от этого родина не перестает быть родиной. И далеко не все люди виноваты, и как бы то ни было, нужно продолжать жить, и жить достойно. Давно замечено, что хорошо организованный город задает организацию жизни

деловой и приватной и даже меняет национальный образ. После войны мы развернули большое строительство в Азии. Токио офисный, торговый, как его отстроили хайну – с небоскрёбами, навесными транспортными развязками, в море огней, и приватный, сохраняющий старинный уют. Всё это Токио и не только японский. Прежде всего моя Ямату проливается сквозь пальцы деструктивных, драчливых японцев – и что бы там ни было, живёт своей жизнью и – меняет японцев

А в целом я повторяю и Вам скажу ещё раз: -измами только жонглируют, чтобы путать желающих разобраться. Общественное устройство предельно просто и делится на две партии. Мы и наши последователи идём интенсивным путём – путём развития и решения проблем за счёт лучшего использования внутренних ресурсов общества. Экстенсивная партия наблюдает и даёт нам возможность строить, полностью предоставляет нам этап, на котором нужно приложить бездну ума, изобретательности и усилий, чтобы появилось нечто, что можно использовать. Когда наступает время снимать взбитые нами сливки, нас оттирают от результата нашего труда люди, которые сами никогда ничего не создают, они выжимают из созданного нами, пока выжимается, затем бросают и предоставляют нам вернуться и восстановить выжатое. Если мы противостоим бою без правил, гибнет великое множество людей и уничтожается то, что мы создавали вместе с людьми для них. Поэтому мы часто отходим с миром, ведь это должно служить людям и люди не должны гибнуть, – если только мы этим можем сохранить им жизнь. Где был бы мир, если бы мы не продолжали созидать вопреки всем печальным обстоятельствам жизни? Так или иначе, нам удаётся протискиваться сквозь преграды, которыми они уставляют наш путь, и протаскивать несчастное, ничего не понимающее человечество к чистому будущему и светлым возможностям, о которых мечтают все, даже забубённые японцы и маниакальные нацисты евреи, авторы -измов. А измов-то всего два и есть: интенсивный и экстенсивный путь развития. И целая наука философия, призванная придать благообразие неблагоприятному устройству системы грабителей и разрушителей, и объяснить вещи как угодно, только не так, как они имеют своё правильное объяснение.

Время от времени я нахожу мастеров с чуткими руками и сердцами, которые слышат меня, и с ними делаю подобную красоту – не только отдых сердцу, на котором сходятся беды мира, но и способ передать людям, что за всеми своими неурядицами, битвами, утратами не стоит забывать, что мы не одни во вселенной. Эта же планета предназначена не только для нас, но для дракона и слона, для змеи и плавуна, для мартышек и мышей, для акул и для моржей, для змеи и краба, и всех сберечь бы надо. Я ваяю драконов по памяти, я ещё застал время, когда они жили с людьми и вокруг, и знаю, почему драконы – обереги и символы счастья. У них изумительно тёплая аура, дающая ощущение счастья. И конечно, они помощники и защитники. В этой композиции из бивня мамонта – моя [Ямату](#), она вне границ, какими её разделили, чтобы властвовать, и как бы ни делили, она всё так же прекрасна

В самом деле, что можно понять в противостоянии десятков маленьких политических и национальных течений Бирмы, увязшей в гражданской войне с 1948 года, с освобождения от британской колониальной зависимости? Казалось бы, антиколониальное движение должно было объединить всех, но – правь, Британия! – они сумели всех посорить и не дать помириться до сих пор. Бирма умудрилась сказать СССР на предложение помощи – а где вы раньше были?, и сказать Китаю – разберитесь сначала у себя, и Индии – да вы же наши колонизаторы, – в общем, найти слова раздора для всех соседей, и самоизолироваться, и почти до сего дня продолжать гражданскую войну всех со всеми. Это было бы непонятно, когда бы не столь знакомый почерк: стравить всех со всеми, разжечь войну из ничего, не дать примириться, пока есть кому и кого убивать.

Как и вся Евразия и Америка, [Бирма](#) – страна пирамид. Ныне о них никто не вспоминает и вряд ли знает, что это так, и конечно не знают, что представляли собой пирамиды, зачем строились эти горы, когда гор вокруг и так хватает. Местное население и тогда было воодушевлено ими лишь потому, что нас любили, а мы хотели строительства этих гор. Они знали: там, где появляются пирамиды, появляется Фрейя и гибнет народ. Но и здесь находились энтузиасты, которые шли за нами до конца

Иным было отношение к дворцам, это было Фрейе более понятно. Этот ажурный дворец [Швенандо](#) (Shwenandaw) в современном Мандалае (Бирма) я построил для себя в 4 веке на пирамиде. В 19 веке королевская семья переехала и здесь был монастырь. Он очень пострадал от артобстрела во время второй мировой войны и недавно был реставрирован, несмотря на гражданскую войну

И если бы не подробность: Бирма специализируется на выращивании сырья для наркотиков и на первичном их производстве, а хозяйка мировой системы производства наркотиков и наркоторговли – Фрейя. Наркотики необходимы в медицине, без них невозможно оперировать и обезболить, производить их нужно, но под строгим контролем – в этом и личная безопасность людей, и национальная безопасность. И алчность всех кому не лень стать приказчиками Фрейи и делить между собой сферы влияния в Золотом треугольнике, со всей беспощадностью наркомафии. И естественное стремление вовремя поддержать войну, голод, безвыходность, которые делают рабочих такими сговорчивыми. И следствие 60-летней войны: тотальная разруха, дефицит всего и вся (и, соответственно, контрабанда), нищета и голод, обездоленность, апатичная покорность и готовность зарабатывать теми способами, какие им оставлены: наркотиками так наркотиками, работоторговлей так работоторговлей, бандформированиями так бандформированиями.

Как мне изобразить Бирму в одной картинке с её десятками народов, десятками партий, десятками армий, с сословиями, мини-государствами в пару деревень, отстаивающих свою независимость от общего абсурда английского, индийского, японского, бирманского и какого угодно ещё колониализма, с разногласиями мнений? Мирную-мирную прекрасную страну, которой уже тысячу лет приходится отстаивать себя когда с автоматами, когда с дрекольем. Страну, которой всё же удалось достичь договорённости всех сторон. Я выбрал [шар в шаре](#), в шаре, все резные да ажурные, все в цветах. В Бирме нет моржей и за своими испытаниями не заботит, что где-то на Алеутах или Командорах браконьеры бьют тюленей, моржей, китов. Жир – для технических нужд, амбру – парфюмерам, кости – скульпторам

И вряд ли можно правдиво описать Бирму без её легендарной семьи – генерала Аун Сана и его дочери, негибаемого борца за демократию и права Аун Сан Су Чжи. Это Фрейя в своём любимом лиловом цвете. Вещая толпе воодушевляющие слова ничем не хуже Жанны д'Арк, эта неотразимая дама заряжает страну на борьбу до последнего, кого ещё можно истребить

Кто не знает горя в масштабе измотанных соседей, это Таиланд (бывший Сиам – перевёрнутая Сина, чтобы была похожа на Анну). С тех пор, как Аану его зажёб и превратил в курорт для не только обычных, но и порочных людей, в страну узаконенных борделей, наркоторговли, работорговли и тысячи способов «развода» на деньги, в тотально безработном Таи все получили возможность сшибить копейку. Но – сшибить, производств нет, только сервис и торговля. Люди таи едва разумеют грамоте, не слишком обременены профессионализмом, но хотя бы не голодают. Как параллельный с ними мир живут там мои предприниматели. Столица Таиланда Бангкок – это мои фабрики, торговые фирмы и банки, на прибыль которых и выстроен город моими умницами хайну, и они же ведут все бизнесы кроме курортных, а туризм и злачные места – это сфера Аану.

2

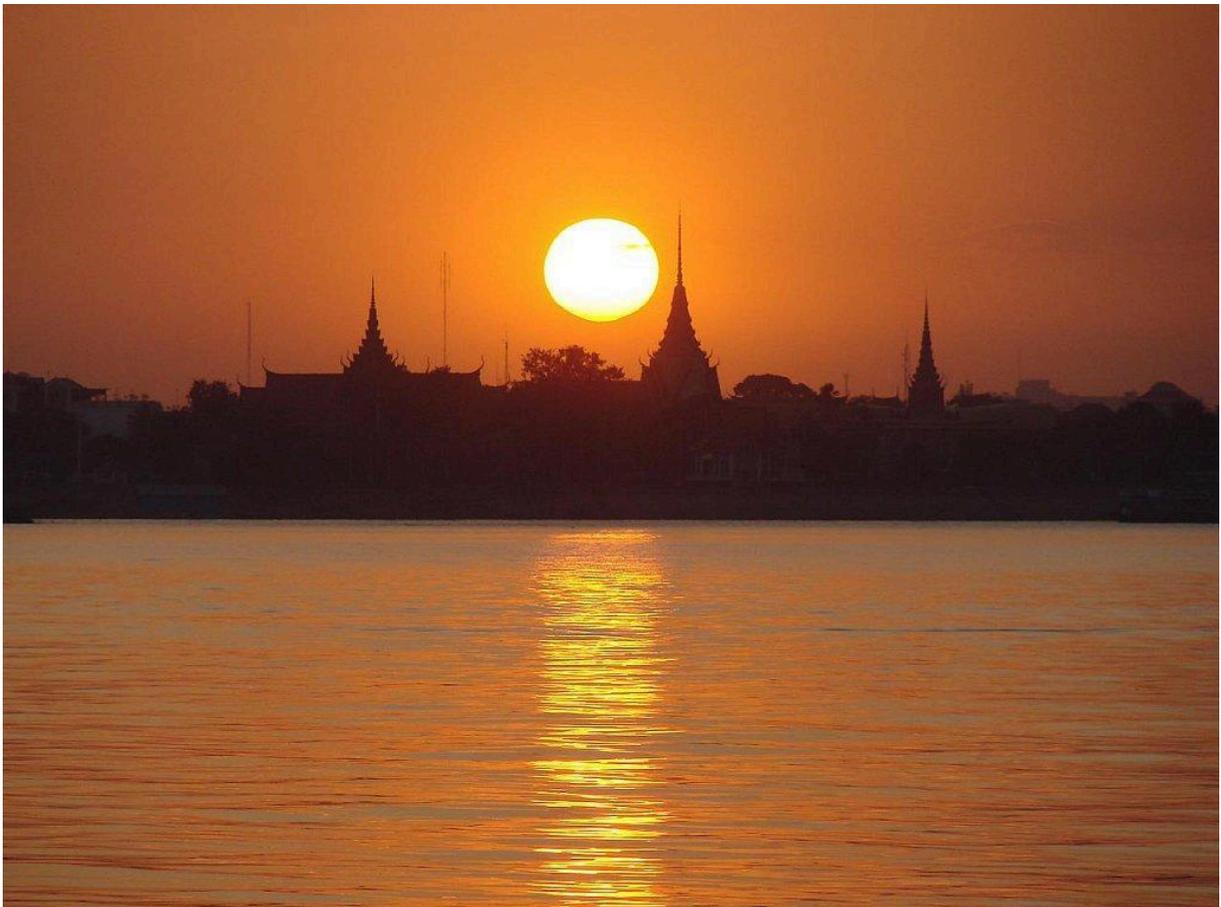
3

Бангкок деловой, базарно-туристический, немного старинный (ступа на третьем снимке – 15-го века) и под старину, потому что город был полностью разбомблен и выстроен заново. В его билдингах собрана не только деловая жизнь Азии, но и фабрики и всё остальное, что полагается городу. Благодаря разумной компоновке и оснастке они не пылят, не шумят (как и транспорт), не одаривают город выбросами вредных веществ. Здания облицованы интерактивными панелями; правда, по авторскому замыслу, они должны показывать смену узоров и красивых видов, а в реалиях пестрят рекламой. Почти на всех крышах рестораны с очень красивыми видами на город. Здесь местные люди живут плотной деловой жизнью, а поскольку в Таиланде очень богатая природа, живут туризмом. Всё, что Вы видите глазами приезжего, направлено на то, чтобы выкачать из приезжих деньги. Мои архитекторы по моим замыслам строят красоту, деловые люди назначают за вход или поездку фантастические деньги, а добравшись до цели (если повезёт – неограбленными), Вы обнаружите, что здания не древни, артефактов нет – всё давно вывезено, гиды рассказывают ерунду, а люди, навязавшиеся Вам по пути в друзья – жулики, от которых Вам не избавиться, а может быть и несдобровать. Но если Вы не дадите себя сманить навязчивому жулю, Вы найдёте, что настоящий Бангкок и Таиланд – не они, а радушные и честные люди, которые Вас принимают по-настоящему и оставляют Вам незабываемую радость и тепло своих сердец

Значительно меньше войны задела Камбоджу и с неё деструктивные боги не взыскали дань многомиллионных жертв. Видимо, сочли это несправедливостью и решили, что Камбоджа тоже должна заплатить дань. Камбоджа была нашей до 13 века, в начале книги я показал Вам наш Ангкор; затем стали сменяться периоды нашего правления и владычества Аану. В 19 веке, не в силах себя отстоять перед его Сиамом (Таиландом), я рукой короля подписал протекторат Франции над Камбоджей. Это был не колониальный режим, но мягкое правление и надёжная защита от Аану. Французы отменили пожизненное рабство, появились законодательство и экономика, до которых бирманцы сами за войнами так и не доходили, а я в тот период не мог помочь – стоило мне появиться в Индокитае, как я заболел. Шаг по шагу пришли с французами к парламентаризму, установили равенство перед законом кхмеров и европейцев, создали систему образования и здравоохранения, минимальную промышленность.

Во время второй мировой войны Камбоджа была оккупирована Японией; некоторое время две власти сосуществовали; в 1941 японцы вытеснили французов и установили формально свой протекторат, фактически Фрейя передала Аану землю, которую он давно хотел. С уходом японцев вернулись французы и Сон Нгок Тхань/Аану не получил желаемого, Камбоджа стала автономией в рамках Индокитайского союза, в который французы надеялись преобразовать свои не удерживаемые колонии. В противовес новой колонизации поднялись все страны и создали свои Национальные фронты коммунистической направленности, попытал счастья ещё раз и Сон Нгок Тхань с антикоммунистическим и антифранцузским союзом Кхмер Серей. Я с королём Народом Сиануком прекратил полномочия французов и они вывели войска с территории Камбоджи.

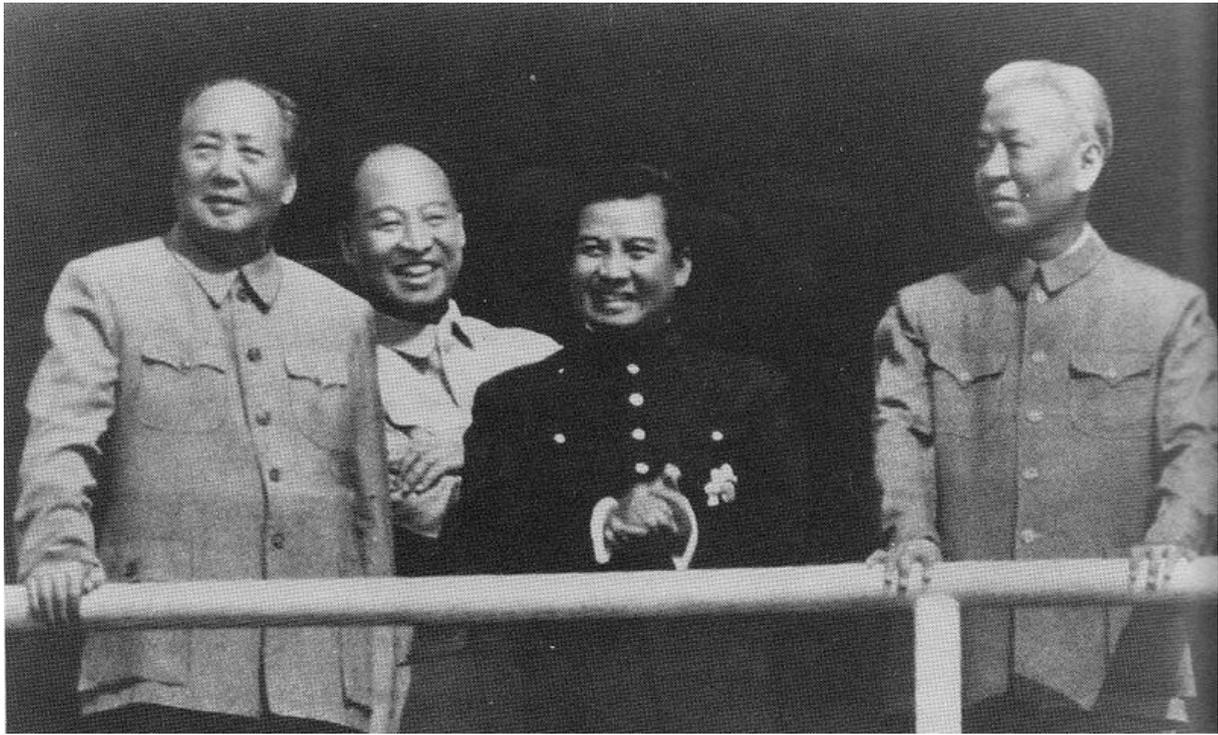

Столица Камбоджи [Пномпень](#), королевская резиденция

Настало время самостоятельного развития. Народом Сианук передал королевские полномочия отцу и освободился от обязанности *светить нации* для полномасштабной преобразовательной деятельности, прежде всего экономической. Мы многое успели сделать прежде, чем здесь снова появились боги-разрушители и провалилась их попытка государственного переворота; с её провалом внутри единого национального политического союза пошла ни на чём не основанная распря и нам пришлось остановить всякую деятельность и заняться только примирением сторон. Всё шло по одному и тому же безотказно срабатывающему сценарию и привело к гражданской войне. На это наложилась Вторая Индокитайская война, в которой Камбоджа не воевала (у нас был статус политически нейтральной страны), но помогала народам Индокитая в антиколониальной борьбе.

Король Камбоджи [Нородом Сианук](#) (1922-2012, 90 лет). Начальное образование получил во французской школе в Пномпене, продолжил в Сайгоне, закончил военное училище во Франции и прошёл мою (Мориса Тореза) национально-освободительную школу. Королём пробыл недолго, переложил функцию сияния народу на отца и стал действующим лицом – премьер-министром и министром иностранных дел. И объединил все силы, желающие позитивных перемен, кроме коммунистов и демократов, в единое Народное социалистическое сообщество Сангкум, с ним победил на парламентских выборах и сформировал правительство. С 1956 года – постоянный представитель Камбоджи в ООН. Его авторитет был очень высок, его просили вернуться на трон. Внёс изменения в конституцию, позволяющие королю действовать, и только потом стал королём. Вёл политику помощи соседям в антиколониальной борьбе и нейтралитета в отношении стран, пытавшихся оказывать давление – США, СССР и КНР. Ситуация вынудила нас согласиться на назначение Лон Нола премьером, а он совершил переворот и привёл к власти красных кхмеров. В годы их революции погибли все родственники и друзья короля, а сам он оказался под домашним арестом. После освобождения стал представителем Камбоджи на внешней арене и взял на себя задачу развязать узел с ООН, которая в лице Старого Ълу признавала и поддерживала только кхмеров, а не собственно Камбоджу и меня. И тем же ходом оставил не у дел Фрейю, что сидела в его жене и сживала его со света. Только выполнив моральный долг внешнего и внутреннего урегулирования, снова стал королём в 1991, а уйдя с поста по старости и болезни в 2004 (82 года), уехал в Пекин, чтобы своими глазами видеть успешный опыт возрождающегося соседа. Передать его Камбодже, по-прежнему раздираемой спорами о власти, не удалось, но мы с ним сняли около 20 фильмов, заложив основу камбоджийского кинематографа

Слева направо: Мао Цзэдун, Пэн Чжэн, [Нородом Сианук](#) и Лю Шаоци (его тоже вёл я) в 1956 году в Пекине, прежде китайских Великого скачка и культурной революции и задолго до камбоджийской революции красных кхмеров. Они ещё не знают, какой ад их ожидает, что Пэн и Лю погибнут в месиве репрессий, принц Сианук окажется в изгнании с растоптанным именем, а Мао будет двойным рабом и орудием разгрома Китая

Лон Нол (1913-1985) хорошо учился, а вернувшись, возглавил полицию, затем армию и успешно боролся против красных кхмеров – партизан. Губернатор в 1954, начальник

генштаба в 1955, командарм в 1960, министр обороны в 1959-1966, вице-премьер в 1963-1966, премьер-министр Камбоджи в 1966-1967. Его сначала вёл Веракочу, потом у него перехватил Аану, и в этом причина перемены его курса и переворота 1970 года, произведённого Лон Нолом. Они, всё землячество студентов из Индокитая во Франции, были хорошими людьми и преданными учениками. Не их вина, а их беда была в том, что несравнимой силы бог Аану захватил Лон Нола, а на долю Пол Пота и его соратников пришлось ещё более жестокая участь – Фрейя

После войны мои французские коммунистические воспитанники-камбоджийцы оперились и выдвинулись на первые роли; как оказалось, готовил я их не для себя. Аану перехватил у меня Лон Нола, совершил его руками переворот и сверг Нородома Сианука. Он знал, что я очень болен и не смогу противостоять ни перевороту, ни заданной им новой проамериканской настроенности Лон Нола. Национальное собрание голосовало за него строем в гипнозе. В разгар войны он потребовал от северовьетнамской армии покинуть страну. Мой Пол Пот развернул ответное движение Красных Кхмеров за возвращение Сианука, Лон Нол призвал в страну войска Южного Вьетнама и США и они оккупировали Камбоджу. В США поднялось движение против вьетнамской войны и президент Никсон отозвал свои войска хотя бы из Камбоджи, так удалось оберечь от бомбёжек по крайней мере дворцы Ангкора.

Только в 1975 году всё ещё моему Пол Поту удалось свергнуть режим захватчика Лон Нола и он должен был бежать из страны. И здесь я получил удар, какого не ожидал. Его и всех остальных моих воспитанников перехватила Фрейя. Ей было не с руки появляться в Камбодже самой, слишком её там знали, слишком горькую память она там оставила. Однако Фрейя давно взяла в гипнотическое управление Старого Ылу и здесь он ей пригодился в качестве инструмента. Старый Ылу сел в Пол Пота и Фрейя через него, абсолютного лидера команды Красных Кхмеров, взяла в управление их всех с соратниками и жёнами. Она через Старого Ылу изгнала Лон Нола/Аану и поставила к власти Пол Пота. Пока я думал, что это Пол Пот молодец, Армия Красных Кхмеров словно через голову перевернулась и повела совершенно иную и неожиданную для них самих политику – такую политику, какой они сами никогда не допустили бы, когда бы только они ещё что-нибудь продолжали определять в своих действиях.

Пол Пот (1928-1998) [в молодости](#) и [престарелых годах](#). «[Салот Сар](#), прославившийся под партийной кличкой Пол Пот, был совершенно нетипичным диктатором. Находясь на вершине власти, он придерживался абсолютной аскезы, питался скудно, носил неброскую черную гимнастерку и не присваивал ценности репрессированных, объявленных врагами народа. Огромная власть не развратила его. Для себя лично он ничего не хотел, всего себя посвятив служению своему народу и построению нового общества счастья и справедливости. Он не имел ни дворцов, ни автомобилей, ни роскошных женщин, ни личных счетов в банке. Перед смертью ему нечего было завещать жене и четырём дочерям». Он был выдающимся организатором и человеком Служения. Поэтому, несмотря на весь ужас происшедшего под его лидерством, его авторитет в Камбодже и окружающих странах абсолютен. Сам псевдоним Пол Пот – *politique potentielle*, политика возможного – под которым он пожелал войти в историю, чтобы хоть что-то говорило о его собственных намерениях, – свидетельствует, что в его планах было совсем иное. С 1963 года он был Генеральным секретарём Камбоджийской коммунистической партии (маоистского толка)

Во Вьетнамской войне, протекавшей на всей территории Восточного Индокитая, с 1969 по 1974 годы было сброшено на Камбоджу столько взрывчатки, сколько на Германию за последние два года второй мировой войны. Бомбёжки и вседозволенность американцев сказали бесконечнотерпеливым камбоджийцам, что за свободу и родину нужно бороться; с этим до тех пор слабые отряды красных кхмеров стали пополняться неграмотными и политически наивными деревенскими парнями.

Сместив в 1975 Лон Нола, которого перестали поддерживать США, армия красных кхмеров закрыла границы и пять лет никто не мог узнать, что в стране происходит. Ни почты, ни телефона, ни дипломатических представительств, ни журналистов – всё закрыто, стена безвестности. Проникнуть в страну с севера через джунгли не составляло проблемы, однако те, кто проник, не возвращались. И только потом открылось...

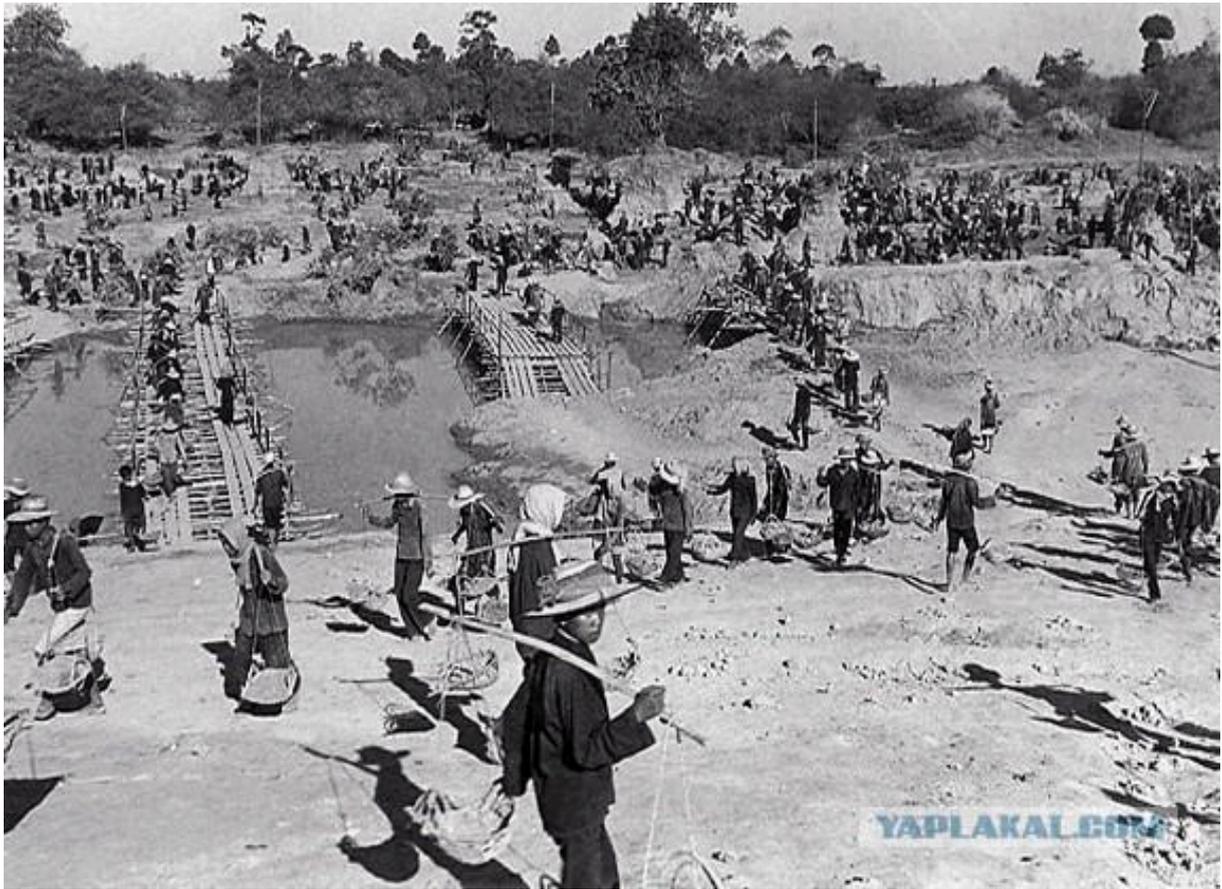

Руководители «Демократической Кампучии»: [Кхиеу Сампхан](#), брат № 5 – президент (фото 2009 года); Пол Пот, брат № 1 (хотя он себя называл скромно братом № 87) – премьер-министр, его портрет дан выше. Генерал Чхит Чоеун (1926-2006) по армейскому прозвищу [Та Мок](#), Дедушка Мок – брат № 4 по прозвищу среди товарищей – «Мясник». Занимал неизвестно какую должность, был правой рукой Пол Пота и организатором геноцида. После войны контролировал часть территории страны, расправился с соперником, главнокомандующим вооружёнными силами и министром обороны «Демократической Кампучии» Сон Сенон, держал в плену Пол Пота, где тот загадочно скончался. Сдался властям в 2006 и умер в тюрьме, не дожидаясь вскрытия подробностей на судебном процессе

Послевоенным трибуналом 1979 года Пол Пот и [Иен Сари](#), брат № 3 – министр иностранных дел (фото 2011 года, он – представитель Камбоджи в ООН), были приговорены к смертной казни. Они утверждали, что в политике народного благоденствия были наверное ошибки, но погибло не более нескольких тысяч человек, остальное – дело вьетнамских агентов. Вскрылось также, что Китай был вдохновителем геноцида и должен разделить ответственность, но Мао уже не было в живых, а над остальными руководителями шёл процесс в самом Китае и они получили там высшую меру наказания. [Нуон Чеа](#) – брат № 2 (фото 2011 года) – председатель Законодательной ассамблеи Демократической Кампучии, один из немногих выходцев не из французских марксистских кружков, а из партизанского движения. Сдался в 1998 и приговорён к пожизненному заключению. Сон Сен – тоже какой-то нумерованный брат. Пол Пол, Сон Сен и Иен Сари были женаты на сёстрах Кхиеу Сампхана Кхиеу Поннари, Иенг Тирит (министр социальной защиты), Юн Ят. Жена Иенг Сари была министром образования и культуры (здравоохранение было отменено), утверждала: "Болеет только буржуазия. Народ всегда здоров, и ему не нужны реакционные науки". Всё это было игрой. Они все были равны без должностей, жили скромно, носили одинаковую одежду, делали одно дело, всех вёл один и тот же Старый Блу, ведомый Фрейей. Народ не знал ни их портретов, ни имён, только номера

Первым делом красные кхмеры отменили экономику и взорвали банк. Тех, кто подбирал банкноты, расстреливали на месте. Назавтра всем жителям городов было приказано оставить город – весь народ должен был стать крестьянским. Отключили воду и электричество. Тех, кто остался дома, расстреливали. Детей отделяли от родителей. Тех, кто протестовал или не понимал, расстреливали. Те, кто вышел из города, оказались под палящим солнцем, а куда их вести? Вынуждены были пить откуда попало, стали умирать от кишечных инфекций. Тех, кто не мог идти, сжигали заживо. Религия, образование, здравоохранение, наука были отменены, интеллигенция уничтожалась или сгонялась на каторжные работы. Расстреливали образованных и тех, кто носил очки: умеешь читать – опасен власти – враг народа. Монахов – в расход. Все народности, кроме кхмеров – в расход.

Так работали взрослые, на данных снимках над превращением болот в рисовые чеки, и должны были прерываться для аплодисментов, когда надсмотрщики им декламировали цитаты великого учителя, Товарища № 1. И так рядом с ними работали дети, чередуя трудовую, армейскую и идеологическую подготовку. Хорошие лица хороших детей, не ведающих зла просто потому, что им говорили о том, чему учат, как о хорошем

«А я бью так!», «а мы с ним поступили так!», «а ты так сумеешь?» Им постепенно смещали психику и отменяли совесть и человечность, пока не сделали их живыми [машинами для убийства](#) с удовольствием, маньяками убийства, людоедами, гордящимися своей жизнью и делаемым делом. Это необратимая деформация, невозвращаемые в круг нормальных понятий люди

Этика и традиционные для Востока формы вежливости отменены, вместо красивого языка введён сленг. Храмы и памятники старины и культуры взорваны или превращены в склады, свинарники и подобное. Всю технику от автомобилей и станков до велосипедов, электробритв и электроники – вдребезги. Библиотеки и архивы публично сожжены, все обязаны при этом присутствовать, выражать восторг и благословлять верховных партийцев. Книги, театры, кино, праздники, песни и танцы запрещены. Слезы и смех, сочувствие – запрещены. Деревни жгли, крестьян переселяли в коммуны – казармы. За слово «нет» убивали. Маленьких детей убивали просто так – лишние рты. Оставляли в живых семилеток – этих заставляли работать, и подростков, способных держать в руках автоматы, учили безжалостности и вседозволенности, поили самогоном с кровью и гнали убивать. Шло совершенствование в искусстве и разнообразии пыток и казней. Трупамии заполняли болота, со временем они станут удобренными полями. Что рис с этих полей будет подобен человечине, у красных кхмеров смущения не вызывало.

[Туол Сленг](#) в Пномпене был лицеем и оказался удобным зданием, чтобы превратить его в следственную тюрьму, классы в камеры и пыточные, спортзалы в места, где люди сидели на полу в кандалах день и ночь в ожидании пыток; гимнастические снаряды были превращены в орудия пыток. Теперь там музей и всё это сохранено. На стендах фотографии заключённых, прошедших этот ад. Тех, кто выдержал пытки «по-научному», переправляли на Поле смерти. Выжило 12 человек

18-часовой рабочий день – 12 в поле или на лесоповале и 6 в политзанятиях – зазубривании цитатника «товарища № 87» – Пол Пота, подобно тому, как в Китае дозволена была единственная книга – цитатник Мао. Один «выходной» в месяц – 12 часов

идеологического совершенствования по цитатнику Пол Пота. После этого секс с той, кого дадут. Семьи отменены, женщины стали «собственностью нации». В отличие от Китая, где если, скажем, на велосипеде нет портрета Мао, человека забивали на месте, в Кампучии, как Пол Пот презвал страну, портретов руководителей не было, никто не знал их ни в лицо, ни по именам, только по номерам «товарищей», первые четыре из которых назывались братьями номер такой-то. «Братья» и «товарищи» сознавали, что их устами некто приказывает то, чего они сами не ожидали сказать, и что они плывут в состоянии, не позволяющем протестовать, они инструменты высшей силы.

Мемориал Чуэнг Эк поблизости от Пномпеня, таких полей смерти в Камбодже несколько десятков. Окно пагоды – здания мемориала на [Поле смерти](#), использованное как музейная витрина с черепами, их там более пяти тысяч. С внутренней стороны музея видно, что многие черепа проломлены разными предметами – это малолетки красные кхмеры тренировались на все лады. В связи с ними часто и неправомерно упоминают детей «Пасторали» – детского крестового похода 13 века. Те дети шли завоёвывать Восток чистой молитвой и светлой песней и не дошли, их продали в рабство. Уместнее была бы параллель с детьми уголовного мира

Ноги у печали стали чёрными;
Шла она босой по неживым
Пепелищам, по жилищам взорванным,
По снегам войны пороховым.

Руки у печали стали чёрными;
Рылась она в пепле и золе,
Отгоняла от убитых воронов,
Предавала мертвецов земле.

Платье у печали стало чёрное;
Слишком долго с нами она шла
Той дорогой, где по обе стороны
Сыновей обугленных тела.

Люди, дайте отдохнуть печали,
Дайте руки, ноги ей обмыть.
Дайте хоть теперь! Раз мы в начале
Не смогли ее остановить.

Кайсын Кулиев в переводе К. Симонова.

Мао очень высоко оценил успехи кампучийских товарищей, а вьетнамцы нехорошо отнеслись к идее экспорта во Вьетнам революции красных кхмеров и этническим чисткам, особенно плохо восприняли ультиматум о внедрении у себя такой же диктатуры, подкреплённый резнёй на вьетнамском острове Фукуок 4 мая и острове Тхотю 10 мая 1975 и во вьетнамской деревне Батюк 18 апреля 1978 года, где было уничтожено всё население. Такие набеги стали системой, они сопровождалась записками «это наша земля»; апеллировали же красные кхмеры к нашему древнему царству со столицей в Ангкоре! Закончив войну с США в Южном Вьетнаме и оглянувшись на то, что Мао в 1976 скончался и Китай не вступит в действия на стороне Кампучии, вьетнамцы в 1978 ввели в Кампучию танки. Полпотовцы отступали с тактикой выжженной земли.

Узники умели очень дружелюбно улыбаться врагу и приветствовали вьетнамцев, принятых ими за китайцев, здоровницей великому председателю Мао и поднятыми руками: «кто бы вы ни были и что бы с нами ни делали, мы покорны»

Застали Страну Ходячих Мертвецов со сломленной волей и без проблеска мысли, только с рефлексом на слово, чего от них хотят, что выполнить, чтобы животно выжить. И пустыню, поля смерти, куда людей стогнали для медленной гибели от голода и пыток по мере того, как красные кхмеры успевали их истязать и пожирать. Колодцы, заполненные черепами. Курганы из черепов, и отдельно – из сломанных костей, из них красные кхмеры выпивали костный мозг. За неполных четыре года у власти пять миллионов жертв – столько же, сколько Фрейя сожгла во всех концлагерях Германии. Треть населения Камбоджи (любые другие данные потому и разнятся, что всякий автор на свой лад пытается пригладить происшедшее).

Детские вещички и косточки с высосанным мозгом на [Поле смерти](#), это малолетки красные кхмеры кушали – иным их не кормили и иное в их круг понятий не входило. Всё вокруг этих деревьев – братские могилы. Когда говорят о 5 000 черепов или 8 000 зарегистрированных трупов, это всегда измышления людей партии, приуменьшающей преступления режима, как могут и не могут. Я был среди первых, кто вошёл в страну террора, и среди всех, кто занимался расследованием злодеяний, и я знаю отличие между обсуждаемыми цифрами и теми, что были на самом деле

В небе над «Кампучией» ловцы душ висели на всякий случай, у камбоджийцев анатомически нет душ и целью Фрейи было просто уничтожение, без пользы, а только для приятности. Мы догадывались, что там беда, но просто не могли охватить всё и сразу. И вот с концом Вьетнамской войны мы вошли в Камбоджу с автомобилями и танками. По этой земле нельзя было идти, она вся была в крови и трупах. Болота остались гниющими болезнетворными болотами и плодородными полями не стали. Города разгромлены, деревни выжжены. В казармах полулюди спешат прокричать «да здравствует товарищ Мао!». Они не реагируют ни на что, только продлевают свою жизнь криком в унисон ситуации, как они её понимают – а нас приняли за китайцев. У них дистрофия от голода и измождения каторжным трудом. Армейцы Пол Пота сыты – человечинной, больше в стране нечего есть. Все всех боятся: приближающийся человек убьёт и съест.

На верхнем снимке [Артём Тарасов](#) – всемогущий повелитель игрушечной техники. Это не помешало ему вырасти образованным и вдумчивым человеком и вместе со мной стать олигархом не на воровстве, а на разумной переработке того, что захламляло землю – промышленных отходов. На двух нижних [красные кхмеры](#) – дети, отнятые у хороших семей и не понимающие в своём новом кругу, что автомат – не игрушка и убивает всерьёз. Для них чужая смерть, да и своя была так же не всерьёз, как пластиковые танки в детской любого мальчонки. Так их учили, так учат сейчас многих других в самых разных странах

Кто это делал? – подростки, не подлежащие ответственности по международным законам. Именно подростки, поскольку среди взрослых красных кхмеров я разбудил от гипноза одного и он поднял на протест против режима остальных, они были жестоко наказаны. Тогда я разбудил другого и он, не будя остальных, приказал им следовать за ним и увёл целую воинскую часть красных кхмеров во Вьетнам и предложил Вьетконгу их услуги в борьбе против режима Пол Пота. Правда, они ни на что не годились, они легли на поляне и долго не могли прийти в себя от передозировки гипноза. Дети не роптали и не сбегали – они не знали иной жизни, иного порядка, иного взгляда. Наказывать следовало не их. Одни были в гипнозе покорности чему бы ни было, другие в гипнозе вседозволенности.

Таких [мемориалов](#) несколько в Камбодже и ещё сколько-то в мире. Но память одних не учит других, и жизнь вертится, как собака с привязанной к хвосту консервной банкой – не снимая её, а только реагируя на грохот мельтешней

Вьетнамские военные изолировали красноармейцев у границы Таиланда (под защитой Аану), наладили безопасность населению. Немедленно прибыли работники Красного креста и других международных организаций с продовольствием, медикаментами и всем полагающимся. Больше этим людям ничем нельзя было помочь – они не реагировали, их просто нужно было оставить в покое, даже не переселяя, не тревожа. Вьетнамцы, которых полпотовцы звали захватчиками, да они и правда явились как оккупанты, сказали: это не Вьетнам, а Камбоджа, и мы – камбоджийцы, хранители нации. Вьетнамцы привели в порядок землю, отстроили города, взяли камбоджийских женщин, чтобы родились хоть какие-то дети с местным генетическим кодом, и воспитывали их сами – эти женщины ни на что не годились. Родились необучаемые и неработоспособные дети; они заняты простыми работами, поэтому страна поднимается крайне медленно и не нужно торопить, всё отстраивается своим чередом и народ восстановится в нескольких поколениях.

В ООН, возглавляемой Старым Ылу и потому вялой, законным было признано не временное вьетнамское правительство Хенг Самрина, а правительство «Демократической Кампучии», и её представители заседали в Нью-Йорке вплоть до 1990-х годов. Только в 1982 году удалось достичь перемирия и объединить страну под рукой коалиционного правительства; в 1989 были выведены вьетнамские войска, и только в 1993 были проведены выборы в Национальное собрание. Красные кхмеры в них не участвовали – ни при каком нажиме партии разрушителей я их из резервации не выпущу; хотя правда и то, что бывшие малолетки воспитали детей и внуков в кругу своих понятий, отличие лишь в том, что жрут не

людей, а обезьян и обезьяны в их резервации больше не водятся. Народом Сианук и Хенг Самрин снова вошли в правительство.

В 1994 году красные кхмеры предприняли попытку с боями вырваться из резервации и совершить государственный переворот. Поняв, что это безнадежно и придется сдаваться, главари стали планировать, как выкупить себе прощение, продав нам Пол Пота. На подконтрольной им территории Та Мок в 1997 году руками Пол Пота расправился с Сон Сенем, затем устроил суд над Пол Потом и приговорил его к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора как предателя революции. Пол Пот жил на территории, контролируемой красными кхмерами, под домашним арестом и был отравлен в 1998 году; после этого красные кхмеры сложили оружие, но повели к расколу в Национальном собрании и к подготовке новой полномасштабной войны. В 1997 я с главой правительства Хун Сенем взял власть единолично в свои руки, прекратил разброд, восстановил королевскую власть Народом Сианука. В 2000-м они ещё раз попытались перевернуть карту и неудачно. И Та Мок сдался властям и погиб в 2006, только в тюрьме на территории Камбоджи – дабы не допустить до суда и раскрытия подробностей организованного им геноцида. После смены короля, к которому было много претензий за сговорчивость со всеми политическими силами Камбоджи, сложилось некоторое равновесие сил, однако ни мира, ни развития при таком положении ожидать не приходится. Но народ понемногу выравнивается и это обнадеживает.

Звенел топор, потом пила.
Потом – последнее усилие.
Берёза медленно пошла,
Нас осыпая снежной пылью.

Спилили дерево не зря, –
Над полотном, у края леса,
Тугие ветры декабря
Могли свалить его на рельсы.

Его спилили поутру,
Оно за насыпью лежало
И тихо-тихо на ветру,
Звеня сосульками, дрожало...

Зиме сто лет еще мести,
Гудеть в тайге, ломая сосны,
А нам сто раз еще пройти
Участок свой
По шпалам мёрзлым.

И, как глухой сибирский лес,
Как дальний окрик паровоза,
Нам стал привычен тёмный срез –
Большая мёртвая береза.

Пришла весна.
И, после вьюг,
С ремонтом проходя в апреле,
Мы все остановились вдруг,
Глазам испуганно не веря:

Берёза старая жила,
Упрямо почки распускались.

На ветках мёртвого ствола
Серёжки желтые качались!..

Нам кто-то после объяснил,
Что бродит сок в древесной тверди,
Что иногда хватает сил
Ожить цветами
После смерти...

Ещё синел в низинах лёд
И ныли пальцы от мороза,
А мы смотрели,
Как цветёт
Давно погибшая берёза.

Я и Анатолий Жигулин в 1963, сразу после его освобождения из политического заключения, которое он отбывал за Уралом. Берёза. Из сборника «Летящие дни». Москва, Советский писатель, 1989

[Кардамоновы горы](#) местами благоухают, местами удушают и выталкивают пришедшего. Хмурое утро над змеиными, крокодильими, малярийными болотами Меконга. Здесь топили людей просто потому, что на свете жила женщина, мечтающая о пустынной Земле и новой расе беспрекословно повинующихся ей тварей. Эти твари, красные кхмеры и их потомки до сих пор живут в джунглях и кричат лозунги, не думая, что за ними стоит и что они делали и делают. Их дети и внуки растут всё в том же опьянении былой вседозволенностью отцов